

*Посвящается Идену Макгвайру,
самому сильному человеку из всех,
кого я имела честь знать.*

На Джунипер-стрит росло около дюжины дубов, и на один из них я только что забрался. Я выбрал именно этого старого древесного гиганта, потому что он стоял совсем рядом с белым частоколом — достаточно высоким, чтобы я мог использовать его как ступеньку к самой низкой ветке. Не имело значения, что мои ладони, колени и голени покрылись царапинами и кровоточили после контакта с острой корой и ветвями. Ветер покусывал мои открытые раны, напоминая, что я боролся и победил. Правда, кровь мне докучала. И не потому, что я отличался брезгливостью, а лишь из-за того, что мне пришлось ждать, пока она остановится. В противном случае кровь грозила размазаться по моему новому фотоаппарату.

Через десять минут после того, как я угнездилился на ветке и моя задняя часть зависла в двадцати футах над землей, малиновый цвет перестал затмевать все вокруг. Я улыбнулся. Наконец-то мне удалось найти нужный ракурс. Фотоаппарат был не новый, зато достался мне от тети авансом, в счет моего одиннадца-

того дня рождения. Обычно я видел тетю спустя две недели после этого события, на День благодарения, но она терпеть не могла дарить мне подарки с опозданием. Тетя Ли много чего не выносила и исключение делала только для меня и дяди Джона.

Я смотрел в объектив, перемещая его по бесконечным гектарам травы, пшеницы и пологих холмов. За заборами домов, стоявших вдоль улицы, на которой жила моя тетя, тянулась импровизированная дорога. Два следа от шин и полоска травы между ними — вот и вся граница, отделявшая дворы наших соседей от бескрайних полей пшеницы и рапса. Весьма однообразный пейзаж, но, когда заходящее солнце окрасило все вокруг оранжевыми, розовыми и пурпурными отсветами, мне показалось, что в целом мире нет места прекраснее.

Вопреки словам моей мамы, Дубовый ручей оказался не таким уж гиблым местом. Однако здесь ко многому были применимы слова «раньше» и «когда-то». Раньше в Дубовом ручье был торговый центр, на этом месте был магазин игрушек, а здесь стоял игровой автомат. Вокруг одного из парков когда-то располагались теннисные корты и пешеходная дорожка, но теперь от былого великолепия остались только пустые здания и заколоченные окна. Раньше мы приезжали сюда раз в два года, на Рождество, но потом мама и папа стали ссориться так часто, что порой даже дрались. По какой-то причине летом эти стычки учащались, а мама не хотела, чтобы я все это видел. В первый день летних каникул — после длившейся всю ночь драки с отцом — мама отвезла меня к дяде Джону и тете Ли. Я заметил, что она ни разу не сняла солнечные очки, даже в доме. Тогда я сообщил, что меня привезли в гости не на денек, а на все

лето, а когда распаковал чемодан, количество вещей в нем показало, что моя догадка верна.

Небо только начинало менять свой цвет, и я сделал несколько снимков, проверяя настройки. Тетю Ли едва ли можно было назвать мягкой и пушистой, но она переживала за меня достаточно, чтобы купить мне приличный фотоаппарат. Может быть, она надеялась, что я стану больше времени проводить на улице, но это не имело значения. Мои друзья просили игровые приставки и айфоны, после чего все эти вещи волшебным образом появлялись. Я нечестно получал то, о чем просил, поэтому фотоаппарат в моих руках стал не просто подарком. Фотоаппарат означал, что меня услышали.

Звук открывающейся двери отвлек меня от созерцания заходящего солнца. Я увидел, как из дома, мирно беседуя, выходят отец с дочерью и идут на задний двор. Мужчина нес что-то маленькое, завернутое в одеяло. Девочка шмыгала носом, по щекам у нее текли слезы. Я замер и затаил дыхание, боясь, что они меня увидят, и тем самым нарушится важность этого момента. Тут я заметил небольшую яму рядом со стволом дерева, возле которой громоздилась кучка красноватой земли.

— Осторожно, — предупредила девочка.

У нее были светло-русые волосы, глаза покраснели от плача, и, благодаря этому контрасту, зеленые радужки искрились, как изумруды.

Мужчина опустил сверток в ямку, и девочка заплакала.

— Мне жаль, принцесса. Арахис был очень хорошим песиком.

Я плотно сжал губы, потому что смех сейчас был бы неуместен. И все же мне так и хотелось расхохо-

таться: кто, скажите на милость, додумался назвать покойную собаку Арахисом?

Снова хлопнула дверь: из дома выскочила какая-то женщина, ее темные вьющиеся волосы распушились от влажности. Она вытирала руки кухонным полотенцем.

— Я здесь, — выдохнула она, потом застыла, уставившись на яму. — Ой. Вы уже... — она побелела и повернулась к девочке. — Мне так жаль, дорогая, — мать девочки посмотрела на тело Арахиса, и тут, как назло, неплотно замотанное полотенце сдвинулось, и показалась собачья лапка. Похоже, при виде этого зрелища женщина расстроилась еще больше, — но я не могу... Я не могу остаться.

— Мэвис, — сказал мужчина, протягивая руку к жене.

У нее задрожала нижняя губа.

— Мне так жаль.

Она вернулась в дом.

Девочка посмотрела на отца.

— Ничего страшного, папа.

Он обнял дочь и привлек к себе.

— Похороны всегда давались твоей мамочке тяжело. Они ее просто убивают.

— Арахис был ее ребенком еще до меня, — проговорила девочка. — Все в порядке.

— Что ж... нам следует произнести речь. Спасибо тебе, Арахис, что так любил нашу принцессу. Спасибо, что всегда сидел под столом и съедал овощи, которые она сама не желала есть...

Девочка посмотрела на отца снизу вверх, тот погладил ее, а затем продолжил:

— Спасибо, что долгие годы приносил палочки и мячи, спасибо за твою верность и...

— Спасибо за то, что спал на моей кровати, — проговорила девочка, утирая слезы. — Спасибо, что целовал меня, лежал у моих ног, пока я делала уроки, и всегда был рад меня видеть, когда я возвращалась домой.

Мужчина кивнул, потом взял прислоненную к забору лопату и начал засыпать яму землей.

Девочка прикрыла рот ладонью, чтобы заглушить рыдания. Когда отец закончил, они с дочерью немного постояли в молчании; затем девочка спросила, нельзя ли ей побыть одной. Отец разрешил, кивнув, и вернулся в дом.

Девочка присела возле свежей груды земли и рассеянно срывала травинки. Вид у нее был очень грустный. Мне хотелось направить на нее объектив и запечатлеть этот миг, но тогда она услышала бы щелчок фотоаппарата. Наверняка она подумала бы, что я тайком ее фотографирую, словно какой-то маньяк, так что я не шевелился, чтобы не мешать ей предаваться горю.

Она шмыгнула носом.

— Спасибо, что защищал меня.

Я нахмурился, гадая, от какой такой опасности Арахис оберегал эту девочку и нужна ли ей защита сейчас. Ей было примерно столько же лет, сколько мне, и я еще никогда не видел такой красивой девочки — во всяком случае, у нас в школе подобных ей не было. Я размышлял, что случилось с ее песиком и как долго она жила в этом огромном доме, тень от которого доходила до домов на другой стороне улицы, когда солнце сдвигалось к западу. Меня беспокоило, что она сидит на траве, возле могилы своего мертвого пса, потому что рядом с ним чувствует себя в большей безопасности, чем в собственном доме.

Солнце скрылось из виду, и на землю опустилась ночь: застрекотали сверчки, в кронах дубов зашептал о чем-то ветер. У меня в животе заурчало. Тетя Ли наверняка спустит с меня шкуру за то, что я пропустил ужин. Но девочка все еще сидела возле могилы своего друга, а я решил, что ни за что не побеспокою ее.

Прошло, наверное, около часа.

Задняя дверь дома открылась, и двор озарился теплым желтым светом.

— Кэтрин? — позвала Мэвис. — Пора идти домой, золотце. Твой ужин остывает. Утром ты снова сможешь выйти.

Кэтрин повиновалась: встала и пошла к дому. Уже на крыльце она остановилась и оглянулась, а потом вошла внутрь. Когда дверь закрылась, я задумался над тем, что именно она хотела увидеть. Возможно, напоминала себе, что все случившееся реально, и Арахис ушел от нее навсегда, а может, в последний раз прощалась со своим любимцем.

Я медленно спустился по стволу, добрался до забора и прыгнул на другую сторону. Когда я пошел по дорожке, под моими ногами громко захрустел гравий, и несколько соседских собак раздраженно загавкали в темноте. Остаток пути я проделал без помех — проблемы поджидали меня дома.

На пороге стояла тетя Ли, скрестив на груди руки. Сначала она выглядела встревоженной, но стоило ей увидеть меня, как ее глаза засверкали от гнева. Тетя уже переоделась в халат — наглядная демонстрация того, насколько я припозднился. Одна седая прядь выбилась из ее густой каштановой шевелюры.

— Простите? — с надеждой спросил я.

— Ты пропустил ужин, — заявила тетя, распахивая дверь. Я вошел в дом, а тетя пошла следом. — Твоя тарелка в микроволновке. Ешь, а потом можешь рассказать, где ты был.

— Да, мэ.

Я поспешно прошмыгнул мимо тети, обогнул овальный деревянный стол, влетел в кухню, открыл микроволновку и увидел внутри накрытую фольгой тарелку. Рот у меня моментально наполнился слюной.

— Сними... — начала было тетя Ли, но я уже сорвал с тарелки фольгу, захлопнул дверцу и нажал на панели кнопку «два».

Я наблюдал, как тарелка вращается, озаренная теплым желтым светом. Стейк зашкворчал, а подливка вокруг горки картофельного пюре начала пузыриться. Я потянулся к ручке дверцы, чтобы открыть микроволновку, но тетя Ли рывкнула:

— Рано!

У меня заурчало в животе.

— Если ты такой голодный, почему не пришел домой пораньше?

— Застрял на дереве.

Микроволновка закончила свою работу, и в ту же секунду я распахнул дверцу.

— Застрял на дереве?

Тетя Ли протянула мне вилку и вслед за мной прошла к столу.

Я запихнул в рот первый кусок и замычал от удовольствия. Затем поскорее подцепил вилкой пюре и отправил в рот, пока тетя Ли не задала мне новый вопрос. Моя мама вкусно готовила, но чем старше я становился, тем сильнее меня мучил голод. Независимо, сколько раз в день я ел и как много пищи

поглощал, я никогда не чувствовал сытости. Еда — любая еда — не задерживалась у меня в желудке надолго.

Тетя Ли состроила гримасу, а я наклонился над тарелкой, чтобы сократить расстояние между ней и своим ртом.

— А ну-ка объяснись, — потребовала тетя Ли. Я не прекращал забрасывать в рот пюре, и тогда она отодвинула от меня тарелку и коснулась моего запястья. — Эллиотт, не заставляй меня спрашивать дважды.

Я согласно кивнул, пытаюсь поскорее прожевать и проглотить.

— Перед огромным домом в конце улицы растет дуб. Я на него залез.

— И что?

— И пока я на нем сидел, выбирая момент для удачного кадра, из дома вышли люди.

— Кэлхуны? Они тебя видели?

Я покачал головой и, воспользовавшись паузой, быстро отправил в рот еще кусочек мяса.

— Ты ведь знаешь, что это начальник дяди Джона, да?

Я перестал жевать.

— Нет.

Тетя Ли откинулась на спинку стула:

— И угораздило же тебя выбрать именно этот дом.

— Они показались мне милыми... и грустными.

— Почему?

По крайней мере, на минуту тетя забыла, что ей положено сердиться.

— Они что-то закапывали на заднем дворе. Думаю, свою умершую собаку.

— Ох, какая жалость, — пробормотала тетя Ли, явно пытаясь отыскать в своей душе сочувствие к горю соседей. У нее не было ни детей, ни собак, и, по-моему, такое положение дел ее вполне устраивало. Она почесала затылок — Звонила твоя мама.

Я кивнул и продолжил есть. Тетя терпеливо ждала, пока я прикончу свой ужин, потом напомнила, что полагается воспользоваться салфеткой.

— Чего она хотела?

— Похоже, они с твоим отцом помирились. У нее был счастливый голос.

Я отвел глаза и стиснул зубы.

— Поначалу всегда так кажется, — я снова посмотрел на тетю. — Синяк у нее под глазом сошел?

— Эллиотт...

Я встал, взял тарелку с вилок и поставил в раковину.

— Ты ему сказала? — В коридоре стоял, почесывая круглый живот, дядя Джон, облаченный в темно-синюю пижаму, которую тетя Ли подарила ему на прошлое Рождество. Тетя кивнула. Дядя посмотрел на меня понимающе. Очевидно, он оценил отразившееся на моем лице отвращение. — Да, нам это тоже не нравится.

— В настоящий момент, — сказала тетя Ли, скрепя руки на груди.

— Вы про маму? — спросил я. Дядя Джон кивнул. — Это чушь собачья.

— Эллиотт! — одернула меня тетя.

— Нам просто не нравится, что мама возвращается к тому, кто ее бьет. Что тут такого? — возмутился я.

— Он твой отец, — заметила тетя Ли.